

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ МОЩЕЙ ВЕРУЮЩИМ В 1940-е годы

Изучение так называемой «мощейной кампании» 1918–1930 гг. и частичной ревизии ее итогов в 1940-е гг. важно для понимания различных этапов церковно-государственных отношений в Советской России. Почитание телесных останков (мощей) святых людей и вера в нетление *всего* их тела, а не только костей издавна являлась неотъемлемой частью и одной из особенностей русского благочестия. Власти Российской империи не раз пытались ограничивать культы, связанные с мощами неизвестных и не прославленных Церковью людей¹. Советское правительство с первых же послереволюционных лет не скрывало своей нетерпимости в отношении к религиозным святыням. Одной из идеологических акций того времени было вскрытие мощей, т.е. открытие гробниц почитаемых святых, лишение мощей матерчатых покровов, их освидетельствование с составлением протокола и, наконец, демонстрация широкой публике. Инициаторы «мощейной кампании», как называли ее представители новой власти, делали ставку на эффект обманутых ожиданий, рассчитывая, что, скомпрометировав духовенство, можно положить конец почитанию святых на территории социалистического государства, способствуя тем самым антирелигиозной пропаганде². 16 февраля 1919 г. коллегия Наркомюста РСФСР впервые издала постановление об инспекции и конфискации мощей (в дальнейшем ею публиковались дополнительные постановления и разъяснения на сей счет). Как показал в своем исследовании А.Н. Кашеваров, вскрытие мощей стало началом планомерной борьбы с Церковью и религией, причем «организуемое значение для этого наступления имели решения и установки VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г.»³. Переломным моментом «мощейной кампании» послужило издание 25 августа 1920 г. циркуляра Наркомюста «О ликвидации мощей», в соответствии с которым местные власти обязывались изъять мощи из храмов и передать их в музеи. С этого времени началось настоящее истребление мощей русских святых, продолжавшееся около 10-и лет (последнее известное «вскрытие» произошло на рубеже 1929–1930 гг. в Кашине). Обнаружение в раках тленных останков, «достроенных», как выражались в те времена, более поздними «оправами», дало повод организовать серию судебных процессов над духовенством⁴.

Верующие, противясь вскрытию мощей, порой выкрадывали их из церквей и прятали от властей. Весной 1920 г., опасаясь за судьбу мощей прп. Сергия Радонежского, которые в любой момент могли быть увезены из закрытой Троице-Сергиевой лавры, священник Павел Флоренский и гр. Юрий Олсуфьев изъяли из раки часть мощей (черепа) святого⁵. До 1930 г. в московском Даниловом монастыре находились мощи блгв. кн. Даниила Московского, перенесенные после закрытия в близлежащую церковь Воскресения Словущего. В 1932 г., когда власти собирались закрыть и этот храм, мощи исчезли. Скорее всего, они были скрыты верующими, место нахождения их до сих пор неизвестно⁶. В конце 1930-х гг. лишь немногочисленные реликвии святых оставались доступны верующим. Так, никогда не изымались мощи свт. Гурия Казанского (точнее, ковчежец с частями мощей, сохранившимися после опустошительных пожаров), находившиеся в Казани, в храме, принадлежавшем патриаршей Церкви. В 1939 г. мощи свт. Гурия были перенесены из закрывавшейся церкви Петра и Павла в постоянно функционировавший храм ярославских князей-чудотворцев на Арском кладбище Казани. Там они находятся и поныне. В целом, вскрытия мощей не дали ожидаемого результата, поскольку не привели к быстрому разрушению традиционных верований. Тем не менее, «мощейная кампания» была не менее значимым событием в процессе

* Семененко-Басин Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

формирования церковно-государственных отношений, нежели декреты Совнаркома 20–23 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных общинах» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁷.

В военные годы Московская патриархия оказала ощутимую поддержку советскому правительству, которое, со своей стороны, стремилось использовать православное духовенство в своих внешнеполитических акциях. После известной встречи И.В. Сталина и В.М. Молотова с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) в сентябре 1943 г. судьбой церковных святынь занимались сотрудники Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнарком (Совете министров) СССР⁸. Возглавил его полковник (с июля 1945 г. – генерал-майор) госбезопасности Г.Г. Карпов. Прецедент частичного возвращения верующим мощей был создан в ходе Второй мировой войны на территориях, оккупированных Германией. В 1941–1942 гг. на Украине и в Белоруссии оккупационными властями были открыты многие приходские церкви и монастыри, которым передавались и мощи, ранее находившиеся в закрытых храмах или музеях. В частности, на Украине православной Церкви вернули Киево-Печерскую лавру с ее знаменитыми пещерами, а также мощи свмч. Макария, митрополита Киевского, вчм. Варвары, свт. Афанасия Константинопольского, и еще не канонизированного тогда свт. Мелетия Леонтовича. В Белоруссии Церкви вернули мощи прп. Евфросинии Полоцкой и мч. Гавриила Белостокского⁹. В 1958 г. в беседе с Карповым патриарх Алексей I отметил, что если бы в годы войны православным не вернули Киево-Печерскую лавру со множеством мощей печерских преподобных, церковные иерархи не смогли бы ходатайствовать о возвращении других мощей¹⁰.

В Советском Союзе о возвращении мощей впервые стали хлопотать православные миряне Ферганы, поддержанные епископом Ташкентским и Среднеазиатским Кириллом (Поспеловым)¹¹. В сентябре 1945 г. они просили вернуть им мощи свт. Митрофана Воронежского, находившиеся в эвакуации в Ферганском краеведческом музее (в составе фондов Воронежского антирелигиозного музея, где они находились с 1929 г.). Однако к лету 1946 г. мощи святителя перевезли обратно в антирелигиозный музей Воронежа, а после его закрытия передали в Воронежский краеведческий музей, располагавшийся в помещении Покровской церкви. В 1946–1948 гг. епископ Воронежский и Острогожский Иосиф (Орехов) неоднократно ходатайствовал об их возвращении. Со своей стороны, уполномоченный Совета по делам РПЦ по Воронежской обл. Гостев 7 октября 1947 г. предлагал не передавать мощи Церкви, а захоронить их в земле¹².

Государство возвращало Церкви мощи святых в течение короткого промежутка времени – с весны 1946 г. до января – февраля 1948 г.¹³ В марте 1946 г. Церкви вернули в Орле мощи свт. Тихона Задонского, в апреле того же года, на Пасху, в составе архитектурного комплекса Троице-Сергиевой лавры были переданы мощи прп. Сергия Радонежского (при этом в раку был возвращен череп святого, тайно изъятый в 1920 г.)¹⁴. В 1946 г. были возвращены также мощи свт. Феодосия Черниговского (в Чернигове) и виленских мчн.: Антония, Иоанна и Евстафия (в Москве)¹⁵. 9 июня 1947 г. Совет министров СССР принял решение о возвращении мощей свт. Алексия Московского (возвращены 14 октября того же года в Москве)¹⁶. В июне 1947 г. в Тобольске Церкви передали мощи свт. Иоанна Тобольского¹⁷, а в феврале 1948 г. в Кашине – мощи блг. кн. Анны Кашинской¹⁸.

«Мощейная кампания» 1919–1930 гг. происходила с невероятной шумихой, а возвращение мощей верующим в 1940–1950-е гг. было скрыто от советского общества. Вопрос об отмене распоряжений Наркомюста 1919–1920 гг. не поднимался и в 1940-е гг. Советское правительство не издало ни единого правового акта, гарантирующего неприкосновенность церковного имущества и святынь. Так, согласно постановлению, принятому Совнаркомом СССР 22 августа 1945 г., мужские и женские монастыри Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, а также Курской и Псковской областей РСФСР могли функционировать и занимать свои помещения лишь «до особых указаний»¹⁹.

Тем не менее, начиная с 1945 г., Алексей I регулярно направлял в Совет по делам РПЦ прошения о возвращении мощей, подкрепляя их письмами епископов, священни-

ков и приходских общин. 30 августа 1947 г. он сообщал в Совет о судьбе мощей святых, оставшихся в конфискованном у Церкви Софийском соборе Великого Новгорода: «Находящиеся в нем мощи святых считаются принадлежностью музея. В настоящее время во время ремонта собора они находятся в крайне печальном положении: раки плохо закрыты, сор в них, пыль и у многих кости в беспорядке»²⁰. Патриарх ходатайствовал о передаче в единственный открытый тогда храм Новгорода мощей свт. Никиты Новгородского. Сознавая, что в сложившейся ситуации решающим фактором является личное благоволение Сталина, он стремился выразить свою лояльность властям. «Вы поймете, – писал патриарх Карпову 29 апреля 1946 г., после возвращения мощей преподобного Сергия Радонежского, – что если кто, то именно я, более чем кто-либо, знаю, с каким добрым участием Вы отнеслись к моей просьбе о Лавре и как поспешили получить от Иосифа Виссарионовича разрешение на предоставление нам Троицкой лавры с ее великой исторической святыней, мощами преподобного Сергия»²¹.

Негласная ревизия религиозной политики государства проходила не без сопротивления партийных и советских работников. 26 июля 1946 г. Карпов, инструктируя уполномоченных Совета по делам РПЦ, разъяснял, что «никакого массового возвращения мощей не может иметь места, уполномоченным не следует проявлять инициативу в части розыска мощей в музеях и других организациях»²². 21 мая 1947 г. Карпов писал Молотову о том, что, «относясь к передаче “мощей” отрицательно, поскольку это способствовало бы оживлению религиозного фанатизма и паломничества, а также увеличению доходов духовенства, Совет под благовидным предлогом оттягивал передачу “мощей” церквям»²³. Вместе с тем Совет активно собирал сведения о мощах, находившихся в музеях и храмах. По запросу Совета в сентябре 1947 г. уполномоченным по Украине П. Ходченко был составлен перечень мощей, находившихся в украинских церквях и монастырях, восстановленных во время германской оккупации²⁴. 3 декабря того же года директор Музея истории религии (бывшего Центрального антирелигиозного музея, переименованного и перемещенного из Москвы в Ленинград в 1946 г.) В.В. Бонч-Бруевич направил Карпову 2 списка мощей, отправленных в Ленинград вместе с прочими экспонатами и остававшихся еще в Москве²⁵. Тогда же в Совете были подготовлены и обобщающие «Сведения о “мощах”, находящихся в фондах музея истории религии, а также музеях, подведомственных комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР»²⁶.

3 декабря 1947 г. Карпов обратился с официальным письмом к заместителю председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилову. В связи с настоятельными просьбами патриарха и епископов о возвращении мощей, председатель Совета по делам РПЦ считал возможным передать их Церкви. Одновременно он предлагал уничтожить все находившиеся на тот момент в музеях мощи, относительно которых подобных ходатайств не поступало²⁷. 8 сентября 1948 г. Бонч-Бруевич вновь напоминал Карпову о мощах, хранившихся в фондах Музея истории религии. «Надо решить вопрос, – писал он, – как быть со всеми этими предметами: нужно ли их нам хранить, или нужно просто предать сожжению в крематории?»²⁸.

Резкое охлаждение в отношении советского государства к православной Церкви во второй половине 1948 г. остановило процесс возвращения мощей святых. Все не выполненные еще просьбы были «положены под сукно»²⁹. К этому времени без ответа оставались официальные ходатайства патриарха и епархиальных архиереев о возвращении Церкви мощей свт. Никиты Новгородского, Митрофана Воронежского, Иоасафа Белгородского, Иннокентия Иркутского³⁰, Питирима Тамбовского³¹, прп. Серафима Саровского³², блгв. кн. Даниила Московского, првв. Иоанна и Лонгина Яренских³³, Иакова Боровичского, Симеона Верхотурского³⁴, а также переданная в Совет через уполномоченного просьба священника Дашкеева о возвращении мощей 5-и муромских святых (блгв. кн. Константина, Михаила, Феодора, Петра и княгини Февронии Муромских)³⁵.

После смерти Сталина у иерархов православной Церкви были надежды на возобновление политики уступок со стороны нового советского руководства. 9 июля 1956 г. Карпов писал патриарху об отсутствии препятствий для возвращения Церкви мощей

свт. Никиты Новгородского³⁶. Действительно, в том же году они были возвращены верующим, но это была последняя перед долгим перерывом передача Церкви святых мощей³⁷. Уже к концу 1950-х гг. стало ясно, что православной Церкви предстоит выдержать еще один натиск со стороны государства³⁸. В сентябре 1958 г. от Алексия I потребовали прекратить паломничества верующих к мощам преподобных в Киево-Печерскую лавру³⁹. В 1963 г. правительство закрыло Лавру как действующий монастырь. Церкви оставалось довольствоваться малым. Так, в 1953–1957 гг. с разрешения властей из разрушавшихся церквей и монастырей были перезахоронены останки иерархов и подвижников, почитавшихся верующими – митрополитов Московских Платона (Левшина) и Макария (Невского) и архиепископа Воронежского Антония (Смирницкого)⁴⁰.

Далее, вплоть до периода перестройки, вопрос о мощах никогда не обсуждался на официальном уровне. Верующим оставалось лишь передавать друг другу разнообразные легенды. Рассказывали, например, о том, что мощи прп. Серафима Саровского надежно спрятаны от властей, и в Дивеево даже есть люди, которые знают место их хранения⁴¹. Пойдя в середине 1940-х гг. на частичную передачу Церкви святых мощей, советские руководители, конечно же, учитывали, что православные священнослужители в СССР были подконтрольны, а открытых храмов оставалось по-прежнему немного. К тому же в 1940-е гг. общество, в значительной своей части уже воспринявшее новую, «советскую» культуру, оставалось в целом равнодушно к таким событиям внутрицерковной жизни, как возвращение церковных реликвий. Но, несмотря на то что цели и правовые основания прежней антирелигиозной политики не были пересмотрены, ее фактическая корректировка в 1940-е гг. объективно способствовала сохранению элементов традиционного православного благочестия.

Примечания

¹ Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 203–226.

² Степанов И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.; Л., 1925. С. 29–30; Два эпизода борьбы с Церковью в Петрограде // Звенья. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 555–579; Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 158, 159, 164–165, 167–168, 170–173, 245–247; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 36, 40–41, 55–62; *Маршадье Б.* Вскрытие мощей в первые годы советской власти // Страницы: Богословие. Культура. Образование. Т. 9. Вып. 1. М., 2004. С. 545–571.

³ *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999. С. 223.

⁴ См.: Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 502–509.

⁵ Андроник (Трубацев), игум. Судьба главы Преподобного Сергия // Журнал Московской патриархии (далее – ЖМП). 2001. № 4. С. 33–53.

⁶ Паламарчук П. Сорок сороков. Т. 1. М., 1992. С. 264, 274, 276; Т. 3. М., 1995. С. 125.

⁷ Даты издания обоих декретов указаны по юлианскому календарю.

⁸ В декабре 1965 г. он был объединен с Советом по делам религиозных культов при Совмине СССР и переименован в Совет по делам религий при Совете Министров СССР; прекратил существование в декабре 1991 г. Подробнее см.: *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 105–127.

⁹ Мельников А. Преподобная Евфросиния Полоцкая. Минск, 1997. С. 79; *Черепица В.Н.* Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Ч. I. Гродно, 2000. С. 204–205; Святой мученик-младенец Гавриил Белостокский (Заблудовский). Житие и исторический очерк. Служба. Акафист. Харьков, 2003. С. 19–20.

¹⁰ Деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1958 гг. // Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 356.

¹¹ Незадолго перед тем православные приходы Узбекистана, долгое время находившиеся в юрисдикции «обновленцев», перешли в ведение Московской патриархии.

¹² ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 613, л. 2–7.

¹³ Документы, связанные с возвращением Церкви мощей в 1940-е гг., хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Совета по делам религий при Совете Министров СССР (ф. 6991, оп. 2): д. 605 (о мощах святых), д. 606 (о мощах святителя Алексия Московского), д. 607 (о мощах княгини Анны Кашинской), д. 608 (о мощах праведного Иакова Боровичского), д. 609 (о мощах святителя Иннокентия Иркутского), д. 610 (о мощах праведных Иоанна и Лонгина Яренгских), д. 611 (о мощах святителя Иоанна Тобольского), д. 612 (о мощах святителя Иоасафа Белгородского), д. 613 (о мощах святителя Митрофана Воронежского), д. 614 (о мощах святителя Никиты Новгородского), д. 615 (о мощах святителя Питирима Тамбовского), д. 616 (о мощах преподобного Серафима Саровского), д. 617 (о мощах праведного Симеона Верхотурского), д. 618 (о мощах святителя Тихона Задонского).

¹⁴ *Анороник (Трубачев), игум.* Заккрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008. С. 285–299.

¹⁵ В 1947 г. мощи виленских мучеников перенесли в Вильнюс, в православный Свято-Духовский мужской монастырь. См.: *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 93; Из жизни наших епархий. Из Виленской епархии // ЖМП. 1947. № 9. С. 61.

¹⁶ Мощи святителя Алексия (Бяконта), митрополита Московского, в течение столетий находились в Чудовом монастыре в Кремле. В 1929 г., когда монастырь был разрушен, их перенесли в Успенский собор. В марте 1947 г. Алексей I направил Карпову письмо с просьбой вернуть Церкви в связи с предстоящим празднованием 800-летия Москвы мощи святых покровителей столицы – митрополита Алексия и благоверного князя Даниила Московского. См.: ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 59, л. 20–20 об., 52–53 об.; Деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1958 гг. С. 331; *Паламарчук П.* Указ. соч. Т. 1. М., 1992. С. 117–118. В своем ходатайстве 7 марта 1947 г. патриарх высказывал предположение, что мощи князя Даниила также могут находиться в одном из соборов московского Кремля (ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 606, л. 5–6).

¹⁷ Из жизни наших епархий. Из Тобольской епархии // ЖМП. 1947. № 10. С. 41–42. О возвращении мощей святителя Иоанна Тобольского (они представляли собой коричневого цвета скелет, находившийся в особой гробнице и доступный взглядам посетителей местного музея) еще в 1946 г. ходатайствовал архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцов). 31 июля 1946 г. Алексей I направил Карпову письмо, в котором поддерживал ходатайство владыки Варфоломея.

¹⁸ 3 июля 1947 г. уполномоченный по Калининской обл. В. Хевронов сообщил Карпову, что в Калининском музее хранится незаверенная копия акта вскрытия мощей Анны Кашинской (оригинала в музее не оказалось), состоявшегося 24 января 1930 г. Согласно ей, мощи святой Анны в 1930 г. представляли собой массу обугленных, обгорелых костных останков общим весом 1 кг; хорошо сохранилась только верхняя часть черепа (ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 607, л. 6–7). По сведениям М.В. Шкаровского, мощи Анны Кашинской были возвращены не в феврале, а в январе 1948 г. См.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 335.

¹⁹ *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 176.

²⁰ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 614, л. 1.

²¹ Там же, д. 49, л. 38–38 об. 5 ноября 1948 г. патриарх вновь писал Карпову о решающей роли Сталина в передаче Лавры. См.: Там же, д. 66, л. 42.

²² *Чумаченко Т.А.* Указ. соч. С. 93.

²³ Текст опубликован: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. От «перемирья» к новой войне. СПб., 1995. С. 130–131.

²⁴ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 605, л. 9–10.

²⁵ Там же, л. 5–7. Из этих списков видно, что кроме мощей русских святых в фондах Музея истории религии находились также глава и кисть руки великомученицы Анастасии Римской Узорешительницы (IV в.).

²⁶ Там же, л. 12–15.

²⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 150, л. 228–234; оп. 2, д. 605, л. 32–33, 37–39. Письмо сопровождалось тремя приложениями: «Список “мощей”, находящихся в церквях и монастырях», «Список “мощей”, находящихся в местных музеях, по которым возбуждено ходатайство о передаче их церкви» и «Список мощей, находящихся в фондах Музея истории религии и в местных краеведческих музеях». См.: *Фомин С.В.* Последний царский святой: святитель Иоанн (Максимович)

митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие, чудеса, прославление, служба, акафист. СПб., 2003. С. 662–665.

²⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 605, л. 28.

²⁹ О причинах и обстоятельствах этого перелома см.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 304–305, 342–344. *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 207.

³⁰ Ходатайству о передаче мощей святителя Иннокентия Иркутского, Алексий I 10 октября 1946 г. писал Карпову, что Иркутск расстался с ними 26 февраля 1921 г., и с тех пор местонахождение их неизвестно. 12 августа и 25 сентября 1948 г. уполномоченный по Ярославской обл. Цыганов сообщил в Совет, что мощи Иннокентия Иркутского находятся в Ярославском краеведческом музее, в здании закрытой церкви Илии Пророка, куда они поступили в 1941 г. из антирелигиозного музея. Согласно описанию Цыганова, мощи святителя, не покрытые одеждой, были выставлены в остекленном ящике-витрине в отдельном приделе, в который не допускались посетители. 2 сентября 1948 г. Карпов особым письмом потребовал проверить, соблюдается ли режим изоляции мощей от верующих, приходящих в музей (ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 609, л. 2–2 об., 6–7; д. 615, л. 6).

³¹ Первое вскрытие мощей святителя Питирима Тамбовского произошло 22 февраля 1919 г. (соответствующий акт не сохранился и в послевоенные годы Совет по делам РПЦ располагал только кратким описанием), после чего они находились в тамбовском кафедральном соборе. В 1929 г. собор был закрыт, а мощи переданы в Тамбовский краеведческий музей. В акте второго вскрытия, состоявшегося 20 ноября 1929 г., записано, что в раке святителя Питирима находилась восковая фигура, в которую были вделаны немногочисленные сохранившиеся кости, в частности, фрагменты черепа. См.: ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 615, л. 4.

³² Осенью 1946 г. настоятель прихода в Темникове священник Иоанн Лентовский и группа верующих подала епископу Пензенскому и Саранскому Михаилу (Постникову) прошение о возвращении мощей преподобного Серафима. Через уполномоченного Совета в ноябре 1946 г. оно было передано Карпову, но хода не получило. Подробнее см.: [Семененко-] *Басин И.* Миф мощей преподобного Серафима Саровского // Страницы: Богословие. Культура. Образование. Т. 2. Вып. 4. М., 1997. С. 538–542.

³³ По сведениям епископа Архангельского и Холмогорского Леонтия (Смирнова), просившего о возвращении мощей праведных Иоанна и Лонгина Яренгских, они находились тогда в областном музее в Архангельске. Прошение было передано патриархом в Совет по делам РПЦ 28 мая 1948 г. См.: ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 610, л. 1.

³⁴ 29 сентября 1947 г., ходатайствуя о возвращении мощей праведного Симеона Верхотурского епископ Свердловский и Ирбитский Товия (Остроумов) писал уполномоченному Совету по делам РПЦ по Свердловской обл. В.Н. Смирнову: «С своей стороны считаю, что передача мощей из музея в церковь может иметь морально удовлетворяющие значение и действие и на тех людей, которые в настоящее время находятся вне православной патриаршей Церкви, ибо это послужит убедительным орудием в руках Церкви против раскольников-отщепенцев, и что даст возможность на ликвидации раскола в Епархии» (Там же, д. 617, л. 3).

³⁵ Там же, д. 605, л. 1.

³⁶ Там же, д. 176, л. 4–5.

³⁷ *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 365; Деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1958 гг. ... С. 340.

³⁸ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве... С. 357–359.

³⁹ Деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1958 гг. ... С. 355.

⁴⁰ Архиепископ Антоний (Смирницкий) был перезахоронен в августе 1956 г. на городском кладбище в Воронеже, а митрополит Макарий (Невский) – 16 апреля 1957 г. в подклете Успенского собора Троице-Сергиевой лавры (после своей кончины он был погребен в Николо-Угрешском монастыре, которому в 1957 г. грозило уничтожение). Архиерейский собор Русской Православной Церкви в 2000 г. причислил митрополита Макария (Невского) к лику святых. В Троице-Сергиеву лавру в середине 1950-х гг. был перенесен из близлежащего Вифанского монастыря и прах митрополита Платона (Левшина). См.: ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 176, л. 22–23, 26.

⁴¹ В частности, о сокрытых мощах Серафима говорил в 1970-х гг. своим прихожанам состоявший в юрисдикции Московского патриархата архиепископ Павел (Гольшев), живший на покое в Бельгии. По его словам, мощи Серафима Саровского находились у некоего мирянина, причем будто бы патриарх Алексий I знал местонахождение святыни, а его преемник Пимен, избранный поместным собором 1971 г., уже нет (об этом автору статьи 17 июня 1997 г. любезно сообщила письмом Франсуаз Лоэст).